

ОСВОЕНИЕ ВЕЛИКОРОССАМИ МАЛУРУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА *-ЛЯВЫЙ*

Д.Г. Демидов

Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)

Аннотация: Рассматриваются прилагательные *вертлявый, мозглявый, костлявый, писклявый, шепелявый, трухлявый, пухлявый, вихлявый, смуглявый*, вошедшие в русский литературный язык в представленном порядке с конца XVIII до начала XX века. Все они имеются в украинском языке; многие авторы, употребившие их раньше других, являются выходцами из малороссийских и южновеликороссийских губерний, особенно О.М. Сомов и В.В. Крестовский. Это влечет за собой вывод об украинском и южновеликорусском происхождении не только отдельных лексем, но и целой словообразовательной модели. Суффикс *-ляв-* по происхождению представляет собой последовательное переразложение *-ля-в- > -л-яв- > -ляв-* (ср. *вихля-ть > вихля-вый, пухл-ый > пухл-явый, кост-ь > кост-лявый*) при поддержке уже существовавшего *-яв-* (*корявый*). Стилистико-прагматическое расширение таких прилагательных происходит по направлению от областного просторечия к общеупотребительной нейтральной лексике. Условием этого расширения и усвоения литературной формой русского языка являются эстетические принципы русского реализма и, в частности, натуральной школы. Требуется еще исследовать словообразовательную синонимию, связанную с этим суффиксом, как можно полнее описать прагматическую картину употреблений слов на *-лявый*, чтобы раскрыть механизмы целеполагания говорящего и пишущего восточнославянского сообщества, влекущие за собой распространение изучаемой модели. Это следует из гумбольдтианской традиции в исследовании языка.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, селективный коммуникативный процесс, украинизм, суффикс, просторечие, язык художественной литературы, переразложение, словообразовательная модель, имя прилагательное, словообразовательная синонимия, восточнославянская цивилизация.

Для цитирования:

Демидов Д.Г. Освоение великороссами малорусских прилагательных на *-лявый* // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 1. С. 187–201. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(1).187-201.

Сведения об авторе:

Демидов Дмитрий Григорьевич, доцент, доктор филологических наук

Контактная информация:

Почтовый адрес: National Chengchi University, Department of Slavic Languages & Literatures. No. 64, Section 2, Chinan Rd. 116 Wenshan, Taipei, Taiwan

E-mail: Demidoffs@rambler.ru

Дата поступления статьи: 28.10.2019

Дата рецензирования: 30.11.2019

Дата принятия в печать: 30.01.2020

Материалы конца XVIII – начала XX в. От абсолютной хронологии к относительной

В русском литературном языке известны следующие прилагательные рассматриваемой разговорной словообразовательной модели: *вертлявый, вихлявый, костлявый, мозглявый, писклявый, пухлявый, смуглявый, трухлявый, шепелявый*. Все они широко употребляются и в украинском языке [Корпус 2019]. Совпадение это, по всей вероятности, не имеет характера общевосточнославянского наследия, о чем свидетельствует поздняя хронология распространения этих слов в русском литературном языке.

Чтобы проследить освоение модели прилагательных на *-лявый* русской письменной речью в коммуникативной цепочке «писатель – читатель – писатель», выпишем первые употребления из НКРЯ (от наиболее ранних к позднейшим) и всех авторов, подхвативших литературно-речевое нововведение в позднейшие десятилетия. Для определения диалектных областей, из которых могло быть заимствовано данное слово в письменную речь, отметим в скобках место рождения и краткие, важные для идиолектов авторов, их биографические данные.

...ничто не могло сравняться с досадою и беспокойством тех высокопарных и вертлявых существ, которые всё достоинство человека поставляют только в прическе волос и в богатых уборах... (И.А. Крылов. *Почта Духов...* 1789). Вслед за Крыловым (Москва, в детстве жил в Оренбурге, в тех местах было много малороссийских казаков) вплоть до конца 1860-х годов слово *вертлявый* употребляют С.П. Жихарев (Рязанская либо Тамбовская губ.), В.Т. Нарезный (под Полтавой), О.М. Сомов (Харьковское наместничество), Ф.В. Булгарин (Минское воеводство, неоднократно), М.Н. Загоскин (Пензенская губ., многократно), А.А. Бестужев-Марлинский (С.-Петербург, сослан в Якутск, переведен служить на Кавказ), Н.В. Гоголь (Полтавская губ., многократно), Е.А. Ган (Киевская губ.), Н.В. Станкевич (Воронежская губ.), Г.Ф. Квитка-Основьяненко (под Харьковом), В.И. Даль (Луганский завод, ныне Луганск, неоднократно), Н.А. Бестужев (С.-Петербург, сослан в Сибирь), И.И. Панаев (С.-Петербург), Ф.П. Врангель (Псков), Ф.М. Достоевский (Москва, из Пинской ветви служилой шляхты), Д.В. Григорович

(Симбирская губ.), И.Т. Кокорев (Рязанская губ.), В.А. Соллогуб (С.-Петербург, из литовского рода), А.Ф. Писемский (Костромская губ.), В.А. Вонлярлярский (Смоленск), Т.Г. Шевченко (Киевская губ., неоднократно), Е.П. Ростопчина (Москва), А.А. Фет (Орловская губ., неоднократно), И.С. Тургенев (Орел), В.В. Крестовский (Киевская губ.), П.Д. Боборыкин (Н. Новгород), Н.С. Лесков (Орловская губ.), И.М. Лажечников (Подмосковье), М.И. Салтыков-Щедрин (Тверская губ., многократно), Л.Н. Толстой (Тульская губ.), Д.И. Менделеев (Тобольск), Г.П. Данилевский (Слободская губ.).

Потом пришел к нему какой-то мозглявый, кривляющийся и глупый немец <...> Когда ушел мозглявый немец, Турш спросил мое имя... (П.В. Киреевский. Письма И.В. Киреевскому. 1829). Кроме Киреевского (Орловская губ., из семьи дворян Тульской губ.) слово *мозглявый* в течение XIX в. стали употреблять А.Ф. Вельтман (из шведов, С.-Петербург, служил в Бессарабии, участвовал в Русско-Турецкой войне), А.Ф. Писемский (Костромская губ., многократно), Л.Н. Толстой (Тульская губ.), А.И. Левитов (под Липецком), Н.С. Лесков (Орловский уезд), М.Е. Салтыков-Щедрин (Тверская губ., многократно), К.М. Станюкович (Севастополь), М. Горький (Н. Новгород).

Иной мертвец, вытянув костлявую шею и выставя свой череп из-под савана, страшно скалил зубы и грохотал, как из пустой бочки; видно, по русской поговорке, он и на том свете чудак был покойник: умер, да зубы скалил (О.М. Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче. 1825–1833). *Никакого друга не встретил бы я так весело, как эту костлявую гостью, которая сильно стучится ко мне в двери...* (Н.А. Полевой. Живописец, 1833). Кроме Сомова (Харьк. наместн.) и Полевого (Иркутск) слово *костлявый* в 1830–1840-е гг. начали употреблять И.И. Лажечников (Подмосковье), Н.А. Бестужев (сослан в Сибирь), И.И. Панаев (С.-Петерб.), А.А. Григорьев (Москва), Ф.М. Достоевский (Москва), И.С. Тургенев (Орел), К.П. Масальский (Ярославль).

Когда в горшке вода закипела белым ключом, то над ним как будто прошумела буря, как будто застучал крупный дождь, как будто прогремел сильный гром; наконец, раздалось из него писклявым и резким голосом, похожим на визг железа, чертящего по точилу, трижды слово: «Лети, лети, лети!» (О.М. Сомов. Киевские ведьмы, 1833). После Сомова (Харьк. н.) слово *писклявый* встречается в течение XIX в. у В.Ф. Одоевского (Москва), М.Н. Загоскина (Пензенская губ.), И.С. Тургенева (Орел, неоднократно), П.Д. Боборыкина (Н. Новгород), П.А. Колзакова (Тула), Е.П. Карновича (из малороссийского дворянства, Ярославская губ.), А.П. Чехова (Таганрог).

– Тышэ, судэр! – вскричала еврейка шепелявым наречием, отскочив от испуганного постояльца (А.Ф. Вельтман. Неистовый Роланд. 1834). Вслед за Вельтманом (служил в Бессарабии) это слово в течение XIX в. употребляют Д.В. Григорович (Симб. губ.), В.В. Крестовский (Киевск. губ.), И.А. Гончаров (Симбирск), А.Ф. Писемский (Костр. губ.), А.И. Левитов (под Липецком), И.С. Тургенев (Орел, многократно), П.И. Мельников-Печерский

(Н. Новгород, предки с Дона, неоднократно), И.И. Срезневский (детство и молодость провел в Харькове), П.Д. Боборыкин (Н. Новгород, многократно), Н.Н. Златовратский (Владимир, неоднократно), К.М. Станюкович (Севастополь), Е.А. Салиас (Москва), А.А. Фет (Орловская губ., неоднократно), И.Л. Леонтьев-Щеглов (С.-Петербург), А.И. Куприн (под Пензой, служил в Подольской губ.).

*...найдя в кузове Матрешы пожелтелые **трухлявые** грузди, она сейчас же послала их изжарить на сковороде* (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники. 1858). Вслед за Аксаковым (Уфа) вплоть до конца XIX в. слово *трухлявый* употребляют Н.П. Вагнер (Пермская губ.), Д.Н. Мамин-Сибиряк (Пермская губ.), А.П. Чехов (Таганрог). Это слово всё более решительно входит в активный словарный запас носителей русского языка: всего в НКРЯ 318 вхождений.

*Но вместо Дуняши на террасу вышла сама Фенечка. Это была молодая женщина лет двадцати трех, вся беленькая и мягкая, с темными волосами и глазами, с красными, детски **пухлявыми** губками и нежными ручками* (И.С. Тургенев. Отцы и дети. 1862). Вслед за Тургеневым (Орел) слово *пухлявый* стали употреблять в литературе А.П. Чехов (Таганрог), А.И. Эртель (из немцев, Воронежская губ.), Б.А. Лавренев (Херсон), В.В. Набоков (С.-Петербург, многократно), Г.В. Иванов (Ковенская губ.), Андрей Белый (Москва), П.П. Бажов (под Екатеринбургом), Андрей Битов (Ленинград), Ольга Славникова (Свердловск), Мария Кувшинова (Москва), Дмитрий Притула (Харьков), О.В. Аронсон (Орша Витебской обл.), Нина Щербак (Ленинград).

*То были: какой-то **вихлявый**, прогоревший мещанинишко, некогда торговавший на ларе под Толкучим, да расстрига-дьякон...* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6, 1867). Кроме Крестовского (Киевская губ.) это слово употребляют В.Г. Авсеенко (из дворянской семьи Черниговской губ., Московская губ.), Н. Каратыгина (С.-Петербург), Вс.В. Иванов (Семипалатинский уезд Степного генерал-губернаторства), Л.М. Леонов (Москва, неоднократно), А.С. Грин (отец – польский шляхтич из Виленской губ., Вятская губ.), Владимир Личутин (Архангельская обл.), Борис Екимов (Игарка), Людмила Улицкая (Башкирская АССР), Евгений Лукин (Чкалов Оренбургской обл.), Людмила Петрушевская (Москва).

*Жила-была красавица, Разбойника дочь. Она была **смуглявая**, Как черная ночь...* (К.С. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 1. Хлыновск. 1930). Кроме Петрова-Водкина (Саратовская обл.) это слово есть еще у М.А. Шолохова (станция Вёшенская, Донецкий округ), Федора Абрамова (Архангельская губ.), Виктора Потанина (Челябинская обл.), Светланы Заикиной (Подмосковье), Михаила Анчарова (Москва), Галины Щербаковой (Донец-

кая обл.), Сергея Шаргунова (Москва) и у анонимного автора эмигрантской аргентинской газеты «Наша страна».

Как видим, модель на *-лявый* проникала в русскую литературу тремя волнами: сначала в виде единичного *вертлявый* (конец XVIII в.), затем к этому слову добавились *мозглявый* (в словарях, по БАС, с 1793 г.), *костлявый* и *писклявый* (1829–1834 гг.), затем *трухлявый*, *пухлявый* и *вихлявый* (конец 1850-х – конец 1860-х гг.), наконец *смуглявый* (с 1930 г.). По биографическим данным первых авторов можно предполагать малороссийское и южновеликорусское происхождение этой модели. Образ Украины в художественной литературе [Крюкова 2017] способствовал распространению модели и в русском литературном языке.

Становление суффикса *-ляв-*

Речевая деятельность привела к тому, что исходный простейший суффикс *-в-*, представленный в именах типа *устав*, *припев*, *правый*, *левый*, дееспричастиях совершенного вида¹, а в качестве первого элемента – в причастиях типа *уста-в-ш-ий*, после основ на *-и-* пережил переразложение и стал оформлять качественные прилагательные типа *правд-ив-ый*, *стропт-ив-ый*. Процесс переразложения пошел дальше, и сложились позднейшие суффиксы, как в словах *хваст-лив-ый*, *дожд-лив-ый*, *наход-чив-ый*, *устойчив-ый*. Такое же переразложение пережили разные основы на (')-а-, в результате чего возникли прилагательные типа *лукавый*, *корявый*.

Суффикс *-ляв-* из этого ряда, несомненно, позднейший. Можно привести два производящих глагола, известных в русском языке, которые объяснили бы гласный в этом суффиксе – *вихлять* и *вертлять*. *Вихлять* – это «...искон[ное] суф[фиксальное] производное от *вихлый*, образованного посредством суф[фикса] *-л-* (ср. *кислый*, *тухлый* и т. п.) от *вихать* “колебать”, в диалектах еще известного» [Шанский 2019]. Глагол *вертлять* имеет узкоспециальное хождение в речи животноводов: «...животное при этом будет всячески не давать диагностировать будет *вертлять*...» [Животноводство 2019, пунктуация сохранена]

В результате переразложения отглагольного производного *вертля-в-ый* > *вертл-яв-ый*, *вихля-в-ый* > *вихл-яв-ый* начал действовать суффикс той же фонетической структуры, что и *-ив-* и множество обычных продуктивных русских словообразовательных суффиксов, то есть «гласный + согласный». Реальность суффикса *-яв-* в языке можно обнаружить по словообразовательным парам *пухл-ый* > *пухл-яв-ый*, *смугл-ый* > *смугл-яв-ый*, *мозгл-ый* > *мозгл-яв-ый*, *трухл-ый* (по [БАС 1950-1965], устар.) > *трухл-яв-ый*. Мнимое отсубстантивное производное от существительного общего рода **пискля* > *писклявый* следует исключить, т. к., по данным НКРЯ, первое употребление этого разговорного существительного зафик-

¹ Подробнее об этом суффиксе см. в [Vondrák 1906: 409].

сировано только в 1994 г. и, следовательно, представляет собой факт обратного словообразования¹: *пискалявый* > *пискаля*.

После дальнейшего переразложения *пухл-ляв-ый* > *пух-ляв-ый* стали возможны образования *верт-еться* > *верт-ляв-ый*, *кость* > *кост-ляв-ый*.

На стадии «гласный + согласный» новый суффикс нашел поддержку уже существовавших, по данным НКРЯ, в XVIII в. прилагательных *дырявый*, *корявый*, *кудрявый* и присоединившихся к ним *чернявый* (1832 г., Н.В. Гоголь), *слюнявый* (с 1834 г.), *кучерявый* (с 1864 г.), *гунявый* (с 1866 г.), характеризовавших предметы и лица по признакам такого же рода, что и новые прилагательные на -лявый. Все эти прилагательные, кроме *кудрявый*, имеются и в украинском языке. Удивительна синхронность появления в языке художественной литературы слов *дырявый*, *корявый*, *кудрявый* со словом *вертлявый*; *мозглявый*, *костлявый* и *пискалявый* – со словами *слюнявый* и *чернявый*; *трухлявый*, *пухлявый* и *вихлявый* – со словами *гунявый* и *кучерявый*, что усиливает версию воздействия суффикса '-ав- (орфографически -яв-, ср. *величавый*, *курчавый*, *моложавый*, *прыщавый*, *ржавый*, *слащавый*, *сухощавый*, *худощавый*, *шершавый*, а также без смягченной основы *дубрава*, *держава*, возможно, *орава*, *купава*; *гнузавый*, *картавый*, *кровавый*, *лежавый*, *лукавый*, *плюгавый*, *шалавый*) на производные от отаждъективных глаголов на -лять в процессе разрастания суффикса -в-до -ляв-. Первообразный суффикс -л- в нем, будучи по происхождению тем же, что и показатель прошедшего времени (*чита-л*), вероятно, совпал с такими эмфатическими суффиксами, как в слове *мурло*, а также в полонизме *быдло* и жаргонном *падло*, *падла*, созвучными с суффиксами в словах *рыло*, *хайло*, *пойло*, *барахло* и придающими словам ярко выраженный уничижительный и даже оскорбительный оттенок.

Судя по новообразованиям *мозглявый*, *пискалявый*, *трухлявый*, *пухлявый*, *вихлявый* и *смуглявый*, суффикс -ляв- особенно легко сочетается с основами на заднеязычный согласный. Вполне вероятно, что такая морфонологическая особенность имеет эмфатическую природу.

Стилистика и прагматика слов на -лявый в процессе вхождения в литературную речь

Большинство рассматриваемых слов сопровождается в словарях ограничительными пометами. Приведем сначала помету в [Ушаков 1935–1940]; затем в [БАС 1950–1965]; затем в [МАС-2 1981–1984]. *Вертлявый* – разг., неодобрит.; без помет; разг.; *мозглявый* обл.; простореч.; прост.; *костлявый* без помет; без помет; без помет; *пискалявый* простореч.; разг.; разг.; *трухлявый* разг.; простореч.; без помет; *пухлявый* разг. фам.; простореч.; разг.; *вихлявый* простореч.; «в просторечии» (о *вихлять*, *вихлявый* в словарной статье среди других производных); прост. (о *вихлять*,

¹ Об обратном словообразовании см.: [Шанский 2005: 250, 291; Николаев 2011: 44–50].

сло́ва *вихлявый* нет); *смуглявый* обл.; простореч.; в [МАС-2 1981–1984] этого слова нет, есть *смугляк* с пометой «разг.».

Отметим, что еще до войны *мозглявый* и *смуглявый* оценивались как областные слова. Отсутствие слов *вихлявый* и *смуглявый* в [МАС-2 1081–1984] показывает оценку этих слов как просторечных и не достойных быть включенными в четырехтомное собрание литературных слов, как раз эти слова и осваивались в литературе позже всех других. Колебания в словарных пометах отражают действительную пестроту реальных контекстов. Единственным словом нашей модели, которое словари единодушно оставили без помет, оказалось *костлявый*. В нем действует суффикс -ляв- уже после переразложения.

Трудно точно описать всю гамму оценочных коннотаций, возникающих при употреблении украинизмов на -лявый в живой общерусской речи: в зависимости от конкретной лексемы и конкретной коммуникативной ситуации возникают то иронические, то фамильярные, то уничижительные оттенки. Беллетристы всегда преследуют изобразительные цели, прибегая к эпитетам на -лявый. Ясно одно: потребность в этой модели у великорусского говорящего сообщества велика, и современный русский язык подвергся действию общерусской (общевосточнославянской) энергии в гумбольдтовом понимании. Юго-западные регионализмы вошли в общеупотребительный лексический фонд. Так действует творческая сила народа.

Есть все основания предполагать, что процесс распространения модели качественных прилагательных на -лявый, в отличие от некоторых великорусских диалектизмов (ср. [Наумова 2018]), происходил не стихийно. В языке русской художественной литературы на протяжении XIX–XX вв. упрочился метод художественного реализма, включая приемы «натуральной школы», в связи с чем возрастала потребность наших писателей во всё новых и новых характеризующих «портретных» эпитетах, привлекаемых с целью обогащения «художественного пространства текста» [Самотик 2006: 273]. Механизм проникновения **слов** из близкородственных языков, диалектизмов, жаргонизмов, экзотизмов в общее употребление русского литературного языка через творчество отдельных писателей подробно раскрыт ак. В.В. Виноградовым [Виноградов 1994] (ср. великорусские диалектизмы *дотошный, истошный, канючить, кутить, подоплека, пострел, свистопляска, хлыщ, цаца* (ввел в литературный обиход Н.В. Кукольник), *шуплый*, жаргонизмы и узкопрофессиональные слова *завалящий, кулак, роздых, сморозить, сходный, финтить, фитюлька, фортель, шустрый*, украинизмы и белорусизмы *завзятый, клянчить, нудный, плюгавый*, полонизм *кололацы*), поэтому такой путь входа слов в общее употребление следует считать не исключением, а правилом в эпоху бурно развивающейся литературно-письменной формы национального язы-

ка и мощного расширения его социальной базы. Творческая сила языка народа выражается через мастеров слова, – прочее говорящее, а точнее, читающее сообщество, либо подхватывает новое словечко, либо нет. Возникает особый селективный коммуникативный процесс между автором и читателями в жизни литературного произведения. Если индивидуальная энергия мастера слова оказывается созвучной коллективной энергии читателей, то слово ожидает счастливая судьба – второе рождение в литературной форме языка.

На уровне **текста** освоение диалектной лексики писателем и способности ее введения в художественное произведение прекрасно разобрано в [Падерина 2013], там же относительно полная подборка литературы по данному вопросу. В нашем случае при первых употреблениях, как позже и В.П. Астафьев, авторы, раскрывая образ подробнее и нагляднее для читателя, вставляют новый эпитет в синонимический ряд, приводят контекстное толкование или поясняющее сравнение: *высокопарные и вертлявые существа* у Крылова, *какой-то мозглявый, кривляющийся и глупый немец* у П.В. Киреевского, *вытянув костлявую шею и выставя свой череп из-под савана* и *писклявым и резким голосом* у Сомова, *пожелтелые трухлявые грузды* у Аксакова, *с красными, детски пухлявыми губками* у Тургенева, *какой-то вихлявый, прогоревший мещаниншко* у Крестовского, наконец, *Она была смуглявая, Как черная ночь* у Петрова-Водкина.

Некоторые актуальные проблемы словообразования и дальнейшие задачи

После выхода в свет монографии [Земская 1992] появляется ряд работ, рассматривающих образование новых слов и их закрепление в различных стилях русского языка как продукта коммуникативной деятельности. Специально стилистической стороне русского словообразования посвящена кн. [Виноградова 2016]. Г.А. Николаев много сил отдает изучению синонимических отношений в процессе словопроизводства (см., напр., [Николаев 2011: 14–18]. Для нашего материала важно уточнить семантические и прагматические модификации в синонимических парах типа *пухлый – пухлявый, смуглый – смуглявый*, а также взаимодействие суффикса -ляв- с более продуктивными уменьшительно-ласкательными типа -еньк-. Впрочем, «прозрачность» обоих типов прилагательных относительно расширения этим модификатором (*пухленький* и *пухлявенький*) заставляет разделять а) оформление суффиксами -л- и -ляв- степени выраженности признака и б) собственно уменьшительно-ласкательный суффикс -еньк-. Ср. *бородатый – бородастый* [Балалыкина 2005: 18]. Материал о суффиксе -ляв- вполне включается в ряд фактов усвоения южновеликорусскими диалектами общих с украинскими оценочных суффиксов прилагательных [Невская 2007].

Объяснение происхождения суффикса -ляв- как результата переразложения позволяет избежать исторически нереального понятия «наложения морфов» в процессе образования прилагательного *вихлявѣй* от глагола *вихлять*. Ср. переосмысление имени прилагательного в существительное *Курьскъ* в условиях имени собственного [Добродомов, Камчатнов 2019: 14]. Полное прилагательное *курский* явилось не продуктом «наложения морфа» -ск-, а продуктом обычного развития полной формы уже существовавшего прилагательного, которое в исходной краткой форме переосмыслилось в существительное. Точно так же и отношения между словами *вихлять* и *вихлявѣй* следует трактовать не как частичное «наложение» суффикса -ляв- на глагольные суффиксы -л-я-, а как переразложение суффикса в отглагольном прилагательном. Индуцирующее воздействие со стороны синонимичного суффикса -яв-, имеющего совсем другое происхождение (*корень / коря > корявѣй*), а значит, и омонимичного, может быть рассмотрено в рамках словообразовательной синонимии.

Поскольку процесс образования прилагательного *вихлявѣй* проходил в разговорной речи, не было конкуренции с церковно-славянским причастием типа *въщати > въщавѣй, -вшаго*, было бы **вихлявѣй, -вшаго*. Именная форма глагола в условиях устной коммуникативной деятельности быстро была освоена как имя прилагательное, минуя ступень причастия. В отношении русской и славянской стихий см. о формах типа *болючий* и *болящий* в [Невская 2007: 113]. Русская разговорная стихия усваивает причастные модели как прилагательные, – либо фонетически русифицируя суффикс (*болючий*), либо в иной, модифицирующей, функции (*здоровуший*).

Несмотря на устно-разговорный характер, изучаемые прилагательные проникали в русский литературный обиход письменным путем. Предстоит еще выяснить, как на подобные процессы украинизации русского языка влияла собственно устная народная стихия через украинские анклавные территории России, см. [Левкиевская 2019]. Это вопрос социолингвистический.

В целом, потребуются новые исследования языка последней четвертой прагматической ступени [Weisgerber 1963]. То, на чем настаивали неогумбольдтианцы, стало теперь предметом обязательного обсуждения [Matussek 1994; Motsch 2011; Mühleisen 2010; Wellmann, Valdová 2011]. Помимо неогумбольдтианства и Казанской лингвистической школы [Балалыкина 2005; Николаев 2011], ценным является вклад Пражской лингвистической школы [Štekauer 2005]. Словообразовательная синонимия изучается в рамках ономаσιологического подхода, излагаемого Штекауэром.

Образование новых слов по определенной модели далеко не всегда оказывается стихийным процессом, подчиненным лишь каким-то социо-

лингвистическим закономерностям. Писатели, мастера слова, будучи наиболее творческими субъектами развития литературной формы языка, в концентрированном виде выражают тенденции общего действия народного духа единой восточнославянской цивилизации.

Заключение

Из диалектов и близкородственных языков в литературный язык через отдельные **тексты** заимствуются отдельные **слова**. В настоящей статье поставлен вопрос об освоении литературной формой языка целой **словообразовательной модели**. В качестве примера показана модель образования качественных прилагательных на -лявый, по всей вероятности, украинского происхождения, усвоенная благодаря писателям-реалистам и «шестидесятникам» XIX века. Первым, кто осмелился внедрить в литературную речь устное слово на -лявый *вертлявый*, был непревзойденный мастер придания художественно-литературного достоинства разговорной речи, великий русский баснописец И.А. Крылов. Наиболее страстным сторонником внедрения в русский литературный язык таких образных малорусских прилагательных был Орест Михайлович Сомов, родившийся под Харьковом и учившийся в Харьковском университете, затем переехавший в Петербург. Одним из первых он употребляет в беллетристике слово *вертлявый*, первым – слова *костлявый* и *писклявый*. Много сделал для распространения таких эпитетов В.В. Крестовский, потомок польских дворян, родившийся в Киевской губ. Он включает в свои произведения прилагательные *вертлявый* и *шепелявый*, первым употребляет слово *вихлявый*.

По всей вероятности, суффикс -ляв- сложился благодаря последовательному переразложению -ля-в > -л-яв- > -ляв- при поддержке уже существовавшего -яв-. В случае такой интерпретации нет необходимости прибегать к мнимому понятию «наложения морфов». В дальнейшем требуется уточнить социальные, эстетические и контекстно-прагматические условия усвоения изучаемой модели с максимально возможным учетом словообразовательной синонимии.

Рассмотренное является частным культурно-лингвистическим проявлением восточнославянской цивилизации.

Список литературы

- Балалыкина Э.А. Роль сопоставительно-исторического метода в изучении адекватного словообразования в родственных языках // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2005. Т. 147, кн. 2. С. 11–21.
- БАС – Большой Академический словарь. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. 1138 с.

- Виноградова В.Н.* Стилистический аспект русского словообразования: монография. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 183 с.
- Добродомов И.Г., Камчатнов А.М.* Дериватологические признаки. URL: <http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf> (дата обращения: 16.11.2019).
- Животноводство. Животноводство КРС. Социальный сайт о коровах. URL: <http://www.zivotnovodstvo.ru/post-group/urok-5-rektalnoe-issledovanie-korovupa-stelnost/> (дата обращения: 23.10.2019).
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
- Корпус украинского языка. URL: <http://korpus.org.ua/> (дата обращения: 23.10.2019)
- Крюкова О.С.* Романтический образ Украины в русской литературе XIX в. М.: Наука, 2017. 125 с.
- Левкиевская Е.Е.* Украинские анклавы на территории России: к проблеме исследования локальных традиций // Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. ст. 2019. С. 518–530.
- МАС-2 – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Наумова А.С.* Назить / нозить: об одном «неописанном» слове русского языка // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 35–44. DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.35-44
- Невская И.М.* Словообразовательные украинизмы в донском диалекте (имена прилагательные) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 6. С. 111–115.
- Николаев Г.А.* Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа. // Русское и славянское словообразование: Opera selecta / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Казанский университет, 2011. С. 4–19.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 23.10.2019)
- Падерина Л.Н.* Приемы введения диалектизмов в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 165–173.
- Самотик Л.Г.* Проблема понимания диалектизмов и экзотизмов в пространстве художественного текста // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2006. № 11. С. 266–273.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия». М., 1935–1940.
- Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. 2-е изд. М.: КомКнига, 2005. 332 с.
- Шанский Н.М.* *Вихлять* // Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%B2/%D0%B2%D0%B8%D1%85%D0%BB%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 23.10.2019)
- Matussek M.* Wortneubildung im Text. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1994. 153 p.
- Motsch W.* Grammatische und sprachpsychologische Aspekte der Wortbildung // Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspekti-

ven – Analysen – Anwendungen / Hrsg. H. Elsen und S. Michel. Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2011. S. 43–72.

Mühleisen S. Heterogeneity in Word Formation Patterns. John Benjamins Publishing Company. 2010. 245 p.

Štekauer P. Onomasiological Approach to Word-Formation. // Handbook of word-formation. Dordrecht: Springer, 2005. P. 207–232. DOI: 10.1007/1-4020-3596-9_9.

Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1906. 600 p.

Weisgerber L. Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1963. 267 p.

Wellmann H., Valdová Ja. Wortbildung im Perspektivwechsel // Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen / Hrsg. H. Elsen und S. Michel. Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2011. S. 17–42.

References

Balalykina, E.A. (2005), Rol' sopostavitel'no-istoricheskogo metoda v izuchenii adyektivnogo slovoobrazovaniya v rodstvennykh yazykakh [The role of the comparative historical method in the study of adjective word formation in kindred languages]. Scientific notes of Kazan State University. Humanitarian sciences, vol. 147, book 2, pp. 11-21. (in Russian)

Dobrodomov, I.G., Kamchatnov, A.M. (2019), Derivatologicheskiye priznaki [Derivational signs], available at: <http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf> (accessed date: November 16, 2019). (in Russian)

(2019), Korpus ukrainskogo yazyka [Ukrainian language corps], available at: <http://korpus.org.ua/> (accessed date: October 23, 2019). (in Russian)

Kryukova, O.S. (2017), Romanticheskii obraz Ukrainy v russkoi literature XIX v. [The romantic image of Ukraine in Russian literature of the XIX century]. Moscow, Nauka publ., 125 p. (in Russian)

Levkiyevskaya, E.E. (2019), Ukrainskiye anklavy na territorii Rossii: k probleme issledovaniya lokal'nykh traditsii [Ukrainian enclaves in Russia: to the problem of researching local traditions]. Digest of scientific articles "All-Russian Congress of Folklorists". Moscow, pp. 518-530. (in Russian)

Matussek, M. (1994), [New word formation in the text]. Hamburg: Buske, 153 p. [Contributions to German linguistics 7].

Motsch, W. (2011), [Grammatical and linguistic aspects of word formation]. [Word formation in German between language system and language usage. Perspectives – Analyzes – Applications]. Stuttgart, *ibidem*-publ., pp. 43-72.

Mühleisen, S. (2010) Heterogeneity in Word Formation Patterns. John Benjamins Publishing Company, 245 p.

Naumova, A.S. (2018), Nazit' / nozit': ob odnom «neopisannom» slove rousskogo yazyka [Nazit' / nozit': about one "indescribable" word of the Russian language]. Communication studies, no. 1 (15), pp. 35-44. DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.35-44. (in Russian)

(2019), Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corps of the Russian Language], available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed date: October 23, 2019). (in Russian)

- Nevskaya, I.M. (2007), Slovoobrazovatel'nye ukrainizmy v donskom dialekte (imena prilagatel'nye) [Word-forming Ukrainianisms in the Don dialect (adjectives)]. University News. North Caucasian region. Social Sciences, no. 6, pp. 111-115. (in Russian)
- Nikolaev, G.A. (2011), Inverse correlation and inverse word formation. Rousskoe i slavyanskoe slovoobrazovaniye: Opera selecta [Russian and Slavic word formation: Opera selecta], edited by K.R. Galiullin, Kazan, Kazan University publ., pp. 44-50. (in Russian)
- Paderina, L.N. (2013), Priemy vvedeniya dialektizmov v «Tsar'-rybe» V.P. Astaf'eva [Techniques for introducing dialectisms in the "Tsar-fish" by V.P. Astafiev [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], no. 2, pp. 165-173. (in Russian)
- Samotik, L.G. (2006), Problema ponimaniya dialektizmov i ekzotizmov v prostranstve khudozhestvennogo teksta [The problem of understanding dialectisms and exotisms in the space of a literary text]. Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University, no. 11, pp. 266-273. (in Russian)
- Shanskii, N.M. (2005), Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu [Essays on Russian word formation], Moscow, 2nd edition, URSS publ., 332 p. (in Russian)
- Shanskii, N.M. (2019), Vikhlyat'. Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka [Etymological online dictionary of the Russian language], available at: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%B2/%D0%B2%D0%B8%D1%85%D0%BB%D1%8F%D1%82%D1%8C> (accessed date: October 23, 2019). (in Russian)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (1950-1965) [Dictionary of modern Russian literary language], vol. 1-17. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House. (in Russian)
- Slovar' russkogo yazyka (1981-1984) [Dictionary of Russian language: In 4 volumes], USSR Academy of Sciences, Russian Language Institute, edited by A.P. Evgenieva. 2nd ed. Moscow, Russian language publ. (in Russian)
- Štekauer, P. (2005), Onomasiological Approach to Word-Formation. Handbook of word-formation. Dordrecht, Springer, pp. 207-232. DOI: 10.1007/1-4020-3596-9_9.
- Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (1935-1940) [Explanatory dictionary of the Russian language], vol. 1-4., ed. D.N. Ushakov, Moscow, State Institute "Soviet Encyclopedia" publ. (in Russian)
- Vinogradov, V.V. (1994), Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh [History of words: About 1,500 words and phrases and more than 5,000 words associated with them], Executive editor N.Yu. Shvedova. Moscow, Tol'k publ., 1138 p. (in Russian)
- Vinogradova, V.N. (2016), Stilisticheskii aspekt russkogo slovoobrazovaniya [The stylistic aspect of Russian word formation]. Moscow, Librokom publ. 2016, 183 p. (in Russian)
- Vondrák, W. (1906), [Comparative Slavic grammar]. V. I. Göttingen. 600 p.
- Weisgerber, L. (1963), [The four stages in the study of languages]. Düsseldorf, Schwann educational publishing house, 267 p.
- Wellmann, H., Valdová, Ja. (2011), Wortbildung im Perspektivwechsel // Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen / Hrsg. H. Elsen und S. Michel. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2011. S. 17-42.

Zhivotnovodstvo. Zhivotnovodstvo KRS (2019), [Livestock. Social site about cows.], available at: <http://www.zhivotnovodstvo.ru/post-group/urok-5-rektalnoe-issledovanie-korovy-na-stelnost/> (accessed date: October 23, 2019). (in Russian)

Zemskaya, E.A. (1992), *Slovoobrazovaniye kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka publ., 221 p. (in Russian)

MASTERING OF THE LITTLE-RUSSIAN ADJECTIVES IN -LYAVYI ENDING BY GREAT-RUSSIANS

D.G. Demidov

National Chengchi University (Taipei, Taiwan)

Abstract: The given article deals with the following adjectives *vertlyavyi* 'spinous', *mozglyavyi* 'callous', *kostlyavyi* 'bony', *pisklyavyi* 'squeaky', *shepelyavyi* 'lisp-ing', *truchlyavyi* 'rotten', *puchlyavyi* 'puffy', *vichlyavyi* 'wobbly', *smuglyavyi* 'dark-skinned', which have come to the Russian literary in that order from the end of the 18-th to the beginning of the 20-th century. This fact entails them are presented in the Ukrainian language; many authors, who used them earlier than others, come from Little Russia and southern provinces of Great Russia, in particular in the works of O. M. Somov and V. V. Krestovskii. This entails a conclusion about the Ukrainian and South Great Russian origin of not only individual lexemes, but also a whole word-formation model. The suffix *-lyav-* in origin is a sequential re-decomposition of *-lya-v-* > *-l-yav-* > *-lyav-* (compare *vichlyat'* > *vichlyavyi*, *puchlyi* > *puchlyavyi*, *kost'* > *kostlyavyi*) with the assistance of the already existing suffix *-yav-* (*koryavyi*). The stylistic-pragmatic expansion of such adjectives occurs in the direction from regional colloquialism to commonly used neutral vocabulary. The conditions for this expansion and assimilation of the literary form of the Russian language are the aesthetic principles of Russian realism and, in particular, the Natural School. It is still necessary to investigate the word-building synonymy connected with this suffix, to describe as fully as possible the pragmatic picture of the usage of the words with the component *-lyavyi* in order to reveal the goal-setting mechanisms of the speaking and writing of the East Slavic community, which entail the spread of the studied model. This follows from the Humboldtian tradition in the study of language.

Key words: communicative activity, selective communicative process, Ukrainianism, suffix, vernacular, language of fiction, redeposition, word-formation model, adjective, derivational synonymy, East Slavic civilization.

For citation:

Demidov, D.G. (2020), Mastering of the little-Russian adjectives in -lyavyi ending by great-Russians. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 1, pp. 187-201. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(1).187-201. (in Russian)

About the author:

Demidov, Dmitrii Grigoryevich, Associate Professor, Prof.

Corresponding author:

Postal address: National Chengchi University, Department of Slavic Languages
& Literatures. No. 64, Section 2, Chinan Rd. 116 Wenshan,
Taipei, Taiwan

E-mail: Demidoffs@rambler.ru

Received: October 28, 2019

Revised: November 30, 2019

Accepted: January 30, 2020